

Советская Россия на страницах русскоязычной периодики в США в 1945 — начале 1950-х гг.

Татьяна Сергеевна Кулепанова (Шугайло),

научный сотрудник Приморского государственного
объединённого музея им. В.К. Арсеньева, Владивосток.

E-mail: randy-t@rambler.ru

В статье рассматриваются идейно-политические позиции русской эмиграции в США по отношению к СССР в период с 1945 по начало 1950-х гг. Опираясь на теорию исторической имагологии, автор проанализировал публикации эмигрантских изданий различной политической окраски. Перелом в настроениях антикоммунистической части русской диаспоры в США по отношению к СССР произошёл в период Второй мировой войны. Журналисты эмигрантских изданий, примкнувшие к движению «оборончества», несмотря на антисоветские воззрения, выступали в поддержку СССР в борьбе с фашизмом. В эти годы в антикоммунистической печати в рамках политического дискурса о Советском Союзе базовой являлась дихотомия «свой — другой/чужой», в аспекте которой рассматривалось советское общество. К положительным компонентам образа СССР относился «свой» русский народ, которому противопоставляли «другого/чужого» — советскую власть. В годы войны во многих антикоммунистических изданиях прекратилась критика советского режима. С началом холодной войны между сверхдержавами в сознании русских эмигрантов актуализировались антисоветские стереотипы, способствовавшие формированию негативного образа СССР. Однако этот образ в антикоммунистической прессе не был однородным. Его важной позитивной составляющей становились идеи о русском народе, олицетворявшем будущее российского государства. В материалах просоветского «Русского голоса» в рамках дихотомии «свой — другой/чужой» в категорию «свой» входил Советский Союз, которому противопоставлялся захватчик — США. На формирование образа СССР в сознании русских эмигрантов влияло множество факторов, в том числе социально-исторический опыт прошлого, международная обстановка, политические взгляды принимающего сообщества.

Ключевые слова: русская эмиграция в США, русская эмигрантская пресса, СССР, имагология, холодная война.

Soviet Russia in Russian Periodicals in the United States in 1945 – the Early 1950^s.

Tatyana Kulepanova (Shugaylo), Primorsky State Associated Museum named after V.K. Arsenyev, Vladivostok, Russia. E-mail: randy-t@rambler.ru.

The article deals with ideological and political stances of the Russian emigration in the United States towards the USSR in 1945 – the early 1950^s. Relying upon the theory of historical imagology, the author studied emigrant publications of different political connotations. The turning point in the attitudes of the anti-communist part of the Russian expatriate community in the US towards the USSR occurred during the World War II. The journalists of the emigrant press who had joined the “defensism” movement advocated for the USSR fight against the fascism despite their anti-Soviet views. During these years, the “us” – “them/others” dichotomy was fundamental for the political discourse about the Soviet Union, and the Soviet society was presented in this context in the anti-communist periodicals. The positive components of the USSR image included “our” Russian people opposed to “them/others” Soviet power. Many anti-communist publications stopped criticizing the Soviet regime during the war. After the onset of the Cold War, anti-Soviet stereotypes actualized in the minds of Russian emigrants and further boosted the negative image of the USSR. However, that image was not similar across the anti-communist press. The ideas about the Russian nation embodying the future of the Russian state were a significant positive constituent. In the publications of the pro-Soviet “Russian Voice” the “us” vs. “them/others” dichotomy manifested the “us” USSR against the aggressor – the United States. The image of the USSR in the minds of Russian emigrants was shaped by many factors including social and historical past experience, international situation and political views of the receiving community.

Keywords: Russian emigration in the United States, Russian emigrant press, the USSR, imagology, Cold War.

В современных условиях обострения геополитической напряжённости и информационного противостояния между Россией и странами Запада важно понимать истоки холодной войны середины XX в., когда в мире, особенно в США, началась яростная демонизация СССР. Констатируя главную роль американской политической элиты, нельзя не обратить внимание на косвенных участников этого процесса, в частности на русскую эмиграцию, транслировавшую представления о покинутой родине через сложившуюся в зарубежье систему русскоязычных СМИ. Хотя образ Советской России, создаваемый эмигрантской прессой, отличался от того, который распространяла западная печать.

На сегодняшний день многие аспекты формирования образа Советского Союза в среде русскоязычной эмиграции в США остаются малоизученными. Среди немногих трудов, посвящённых восприятию представителями русской диаспоры политики СССР в разные периоды XX в., следует отметить исследования А.В. Антошина и А.В. Урядовой [1; 26].

Цель данной статьи — выявить, как менялись идейно-политические взгляды представителей русской диаспоры в США по отношению к Советскому Союзу в сложный и переломный период 1945 — начала 1950-х гг., какие факторы способствовали трансформации образа СССР в сознании русских эмигрантов в это время.

Основными источниками для нас послужили материалы крупных русскоязычных изданий в США, отражавшие широкий спектр политических мнений российского зарубежья. Это газеты — либерально-демократическое «Новое русское слово» (начало издания — 1910 г., Нью-Йорк), монархическая «Россия» (1933 г., Нью-Йорк), внепартийная «Русская жизнь» (1921 г., Сан-Франциско), коммунистический «Русский голос» (1907 г., Нью-Йорк), журналы — меньшевистский «Социалистический вестник» (1940 г., Нью-Йорк) и «Новый журнал» (1942 г., Нью-Йорк).

В качестве методологической основы анализа мы опираемся на теорию исторической имагологии, исследующую взаимовосприятие стран, народностей, представителей различных культур и социумов, используя дихотомию «свой — чужой» [16, с. 126—128; 20, с. 57—59; 25]. Феномен русского зарубежья рассматривается в современной науке как отдельное культурное явление, уникальный социум — Зарубежная Россия, или Россия № 2. Ряд авторов выявили специфику восприятия в этой среде, с одной стороны, своей исторической родины, с другой — принимающего сообщества [13, с. 14; 25, с. 32—33]. А.В. Урядова считает, что эмигранты послереволюционной волны противопоставляли себя советской системе, воспринимая её как некоего «другого/чужого», но таким же оставался для них и западный мир [25, с. 33]. Однако многие представители более поздних волн эмиграции уже не испытывали столь резкого духовного отторжения Советской России, формируя её образ как «своего/чужого».

В исследованиях отмечаются такие свойства образов «другого», как устойчивость, инерционность и в то же время противоречивость, многослойность. В сознании индивида или в коллективном сознании социума могут присутствовать абсолютно разные, порой

прямо противоположные, представления об одном объекте, которые актуализируются в зависимости от контекста исторической обстановки [17, с. 44—46].

Центральное понятие имагологии — «образ». Имеющиеся в литературе его определения можно свести к следующему: образ является неким преставлением о реальности, подвижной системой знаний, представлений и смыслов, наполненной как рациональными, так и эмоциональными составляющими [12, с. 253, 255; 16, с. 128], он «формируется с некоторым искажением, возникающим из-за стремления (часто неосознанного) наделить реальность большей степенью соответствия определённым взглядам, системам ценностей, идеям» [29, с. 84].

На формирование «образа другого» в коллективном или индивидуальном сознании субъекта влияют его социально-исторический и индивидуальный опыт, а также определённое информационно-пропагандистское воздействие извне, контекст международных событий, общественно-политических перемен и настроений в той стране, в которой находится субъект [20, с. 65].

В процессе коммуникации образ передаётся от одной социальной группы к другой [29, с. 80, 84]. И в этом особенную роль всегда играли СМИ, выполняя традиционную функцию общественной связи, выступая как некий транслятор-проводник информации. Определённой точкой отсчёта при формировании образа являются события, взаимодействия, делающие образ воспринимаемым [28].

На протяжении XX в. в эмигрантской среде оппозиция «свой — чужой» являлась основной в рамках политического дискурса о России, но в разные периоды смысловые акценты смещались то в одну, то в другую сторону. Базовые черты негативного образа Советского Союза оформились в 1920-е гг., после приезда на американский континент представителей послереволюционной эмиграции. Значительная трансформация восприятия СССР произошла в период Второй мировой и Великой Отечественной войн. Эти трагические события вызвали всплеск интереса к Советской России и в то же время раскололи русское зарубежье на два лагеря: «оборонцев», выступавших в поддержку СССР в его борьбе с фашистской Германией, и «пораженцев», считавших главными врагами России большевиков и надеявшихся на то, что Германия поможет ликвидировать советскую власть.

В США многие русские эмигранты развернули мощную кампанию в поддержку СССР, что отразилось на страницах периодичес-

кой печати. Такие издания, как «Новое русское слово», «Русская жизнь», «Социалистический вестник» и «Новый журнал», несмотря на свои антикоммунистические воззрения, соперничали Советскому Союзу, осуждали взгляды «пораженцев» и призывали эмигрантов и мировое сообщество оказывать помощь СССР в его борьбе с фашизмом. К первому лагерю относилась и коммунистическая газета «Русский голос», стоявшая на позициях симпатии к советскому правительству, при этом сохраняя лояльность США [30].

В годы войны эти издания отражали не только патриотические чувства российских эмигрантов, но и общее потепление климата во взаимоотношениях СССР и США, боровшихся против общего врага [14, с. 206—208]. Они высоко оценивали советских военных, более того, принимали участие в благотворительных акциях, на которых собирались пожертвования для населения СССР, и самостоятельно организовывали такие акции.

Наиболее позитивным восприятием Советского Союза среди антикоммунистической прессы отличалась газета «Новое русское слово». В 1945 г. на её страницах, так же как и в «Русском голосе», имя Сталина звучало в контексте значимого события мировой истории — победы над гитлеровской Германией. В период войны «Новое русское слово», поддерживая СССР в борьбе с фашизмом, вспоминало о прошлых победах России — Ледовом побоище и подвиге Александра Невского, Полтавской битве, Отечественной войне 1812 г. [21]. Авторы газеты воспринимали Советское государство не просто в положительном ключе, но как некоего «своего» — продолжателя военно-героического, национально-православного прошлого монархической России. Они обращались к исторической народной памяти и наделяли образ СССР лучшими качествами, которые в их представлениях были присущи императорскому Российскому государству.

Во многих изданиях критика советского режима и идеологии коммунизма была свёрнута. Среди большей части русской диаспоры в США слова «русский» и «советский» звучали как синонимы [21].

Отрицательные компоненты образа Советского Союза в этот период не исчезли бесследно, а всего лишь отошли на второй план. В некоторых антикоммунистических изданиях, поддерживавших СССР в это военное время, изредка звучали негативные высказывания в адрес советской системы. Так, «Русская жизнь» в 1945 г. не раз осуждала Советскую Россию за отсутствие демократических свобод. Будущий редактор «Нового журнала» М.М. Карпович

отмечал укрепление международного авторитета СССР после победы над Германией и в то же время давал негативную оценку сталинскому режиму [10, с. 362—372].

Вместе с тем в эмигрантских СМИ продолжало существовать крайне правое консервативное направление, поддерживавшее в общественной среде исключительно негативное отношение к СССР. Его выразителем, в частности, была монархическая газета «Россия», стоявшая на позициях «пораженцев». Она яростно выступала против идей коммунизма и руководства СССР, не раз обвиняла «деспота Сталина» в организации кровавых репрессий. Власть «вождя народов» называлась в газете «коммунистической гадюкой», «варварским коммунистическим самодержавием», а сам советский лидер сравнивался с завоевателем Руси Чингисханом, «готовым снести голову всему христианскому цивилизованному миру» [18; 19].

В противовес этому коммунистическая газета «Русский голос» после победы над фашизмом представляла советское государство только в положительных тонах. В 1945 г. это издание так же, как «Русская жизнь» и «Новое русское слово», черпало информацию в основном из советской прессы, но практически избегало сведений, негативно характеризующих советскую действительность.

Восприятие СССР авторами антикоммунистической прессы изменилось в 1946 г., с началом холодной войны. Стали появляться публикации, осуждавшие внутреннюю политику Советского Союза и его действия на международной арене, что отражало перемену настроений в американских политических кругах по отношению к СССР. Со второй половины 1940-х гг. в США развернулось мощное антикоммунистическое движение, пик которого пришёлся на начало 1950-х гг. [14, с. 13]. Под влиянием изменившегося международного климата и внутривнутриполитической обстановки в США в коллективном сознании представителей русской эмиграции постепенно возрождались старые антагонизмы и отрицательные стереотипы, способствовавшие негативной трансформации образа Советского государства, формированию «образа врага».

На рубеже 1945—1947 гг. сторонники различных общественно-политических течений эмиграции ожидали изменений в советском обществе. В «Социалистическом вестнике», «Русской жизни», «Новом журнале» и «Новом русском слове» проскальзывали надежды на возможность эволюции советского режима. Социолог и публицист Н.С. Тимашев в 1945 г. с восторгом писал о том, что

в СССР возрождались российские культурно-исторические традиции. Автор был уверен в скором отказе руководства страны от коммунистических преобразований и возвращении на прежний путь исторического развития [24, с. 176].

В 1946—1947 гг. в среде русской эмиграции звучали надежды на то, что советские военные, познакомившиеся в период Второй мировой войны с государственным устройством западных стран, поспособствуют изменению политического строя в СССР. Так, журналист «Русской жизни» М. Горденев заявлял о присутствии в населении России демократизме и рассчитывал на то, что советские солдаты после войны помогут изжить «азиатский социализм» на родине [7]. По мнению представителя движения меньшевиков Г. Аронсона, в 1946—1947 гг. в советских людях произошёл колоссальный духовный сдвиг. Он сравнивал военную молодёжь СССР, вернувшуюся из Европы, с декабристами и ожидал перемен в общественно-политической жизни страны [2, с. 172].

Исследователи, изучавшие вопросы исторической имагологии, отмечали такое свойство образов, как антитетичность. Нередко представления, смыслы, понятия, являющиеся компонентами образа, выстраивались как антитезы или бинарные оппозиции [17, с. 44—46]. В эмигрантской прессе на фоне усиления идеологии холодной войны укрепляющийся отрицательный образ СССР противопоставлялся демократической Америке, а также демонстрировался антагонизм русского народа и советской власти. В некоторых изданиях (как правило, монархического направления) в бинарной оппозиции друг к другу выступали «Советский Союз» и «дореволюционная Россия».

Анализируя Берлинский кризис 1948—1949 гг., события Корейской войны в 1950—1953 гг. и другие геополитические конфликты сверхдержав, антисоветские издания представляли СССР как государство-агрессора, стремящегося к мировой экспансии, и противопоставляли его «свободолюбивым странам» Западного блока, деятельность которых, по их мнению, была направлена исключительно на установление справедливости и гармонии во всём мире. Статьи выходили под красноречивыми заголовками: «СССР идёт слишком далеко...», «Остановите разбой Сталина!» и др. [23; 15]. Публицист, эсер М.В. Вишняк («Новый журнал») не рекомендовал западным государствам иметь какие-либо дела со Сталиным, поскольку такое сотрудничество не могло способствовать установлению международного мира и коллективной безопасности [6]. Автор «России»

в конце 1953 г. отмечал, что в СССР по-прежнему управляют силы, которые ведут страну к гегемонии над миром. И все перестановки на вершинах власти оставались лишь попыткой отвести внимание свободного мира от готовящейся на него атаки [4].

Журналисты русского зарубежья в 1946 — начале 1950-х гг. опасались начала третьей мировой войны, при этом ими неоднократно поднимался вопрос о выборе тактики представителями эмиграции. Е. Кускова («Новое русское слово») призвала занимать патриотические позиции и не приветствовать иностранную интервенцию в Россию. Публицист А.И. Зак выражал расхожее среди антикоммунистической эмиграции мнение, что необходимо использовать противоречия СССР с Западом для освобождения России от советской власти [1, с. 473—474]. «Социалистический вестник» предлагал эмиграции к началу войны подготовить в мире политическую атмосферу, благоприятную для русского народа, и позаботиться о сохранении независимости и целостности родины.

В антикоммунистической прессе ожесточённой критике подвергался и внутрисполитический курс советского государства. Издания писали о несовершенствах государственного аппарата СССР, обвиняли руководство страны в отсутствии демократических прав и свобод, в судебном произволе, а лично Сталина — в гибели миллионов рабочих и крестьян в концлагерях и застенках НКВД, уничтожении целых республик. При этом советское «полицейское государство» газеты противопоставляли политической системе «свободолюбивой» Америки, которую считали истинной хранительницей идей и принципов демократии [11].

Если в отдельных изданиях в 1946 г. ещё встречались материалы с позитивной оценкой советской жизни («Новое русское слово»), то в таких, как «Русская жизнь», они полностью исчезли и сменились критикой коммунистического режима. Рассматривая сообщения в прессе о смещении маршала Жукова с политической арены, перегруппировке советских войск, случаях хищений в промышленности, издание делало заключение о политическом кризисе в СССР [3].

С началом холодной войны в дискурсе антикоммунистических эмигрантских СМИ широко использовались оппозиционные категории «советская власть» — «русский народ». Советские лидеры, партийная номенклатура, органы госбезопасности наделялись эпитетами «жестокые», «тоталитарные», «безбожные», а русский народ преподносился как «подневольный», «свободолюбивый»,

«героический», «могучий», «православный», преемник культурного наследия дореволюционной России, хранитель национальных духовных ценностей. Понятия «русский» и «советский» стали разграничиваться. На этих установках базировалась убежденность представителей правого лагеря эмиграции в существовании значительной оппозиции советскому режиму в СССР, возможности его свержения.

М.М. Карпович ещё в 1945 г. отмечал, что дух, задачи и методы власти СССР затмевали в сознании окружающего мира «подлинные и законные национальные интересы русского народа» [10]. Как писал «Социалистический вестник» в 1947 г., некоторые послабления, на которые была вынуждена пойти советская власть во время войны, расшатали фундамент коммунистической идеологии. В дальнейшем эти политические шаги «обнаружили никчёмный удельный вес в русской жизни официальной пропаганды: более чем когда-либо прежде оказалось, что партия — это одно, а народ — это другое» [2, с. 171].

Особое значение в характеристике образа СССР приобретала положительно окрашенная категория «русский народ», который воспринимался как носитель истинной силы России, олицетворявший будущее российского государства. Эта идея пронизывала антикоммунистические издания. Через особое отношение к русскому народу в среде эмиграции постепенно в той или иной степени происходило некое распознавание «своего» в «чужом», формировался двойственный, противоречивый образ Советского Союза. Многие авторы во второй половине 1940-х гг. надежды на перемены в СССР возлагали не на советских лидеров и партийный аппарат, а на представителей советского общества, военных и молодого поколения, вернувшихся с фронта.

Лишь «Русский голос» на протяжении всей холодной войны выступал в поддержку Советского Союза, призывая к установлению между США и СССР дружественных отношений, как было при президенте Ф. Рузвельте [14, с. 257]. Модель образа СССР, которую транслировала эта газета в 1940—1980-е гг., практически не менялась, вне зависимости от контекста международных событий Советский Союз входил в категорию «свой», не делалось различий между понятиями «Россия», «Советский Союз», «русский» и «советский». Издание представляло СССР как крепкую державу, ограничивавшую агрессивную политику США, которая могла привести к атомной войне. «Русский голос» осуждал вмешательство

США в дела стран Востока, считая, что Штаты прикрывают свои истинные экономические и геополитические цели лозунгом борьбы с коммунистической угрозой. Газета поддерживала внутреннюю политику советского руководства и вслед за советской официальной пропагандой называла политический режим СССР «пролетарским демократизмом» [8; 30].

Реконструкция образов реальности в сознании народа или социума позволяет изучить «другого» и в то же время исследовать представления данного социума о самом себе, воссоздать присущую этому сообществу картину мира [9, с. 21]. Образ Советского Союза в публикациях эмигрантской прессы являлся проекцией политических взглядов и эмпирического опыта представителей разных волн эмиграции.

В политическом дискурсе о СССР в статьях журналистов первой послереволюционной волны, сотрудничавших с газетами «Россия», «Русская жизнь» и «Новое русское слово», присутствовала дихотомия понятий «дореволюционная Россия» и «Советский Союз», в чём проявлялся прошлый опыт и приверженность монархическим идеалам. В результате идеализировалась императорская Россия, а образ СССР приобретал негативные краски. Авторы же меньшевистского «Социалистического вестника» и ряд публицистов «Нового журнала», в частности историк и философ Г.П. Федотов, а также публицист Н.С. Тимашев, давая отрицательные оценки советскому строю, говорили и о негативных сторонах монархической системы власти, а репрессивные методы управления советских вождей сравнивали с самовластием Петра I и Ивана Грозного [24, с. 176; 27, с. 179; 2, с. 171].

В то же время многие авторы «Социалистического вестника» и «Нового журнала» видели в Советском Союзе преемника прошлой, дореволюционной России. Они писали о необходимости сохранения в СССР русской национальной культуры и возрождения традиционных ценностей [24, с. 175]. Журналисты часто использовали выражения «Советская Россия», «теперешняя Россия» или «СССР-Россия». Оппозиция «свой — другой/чужой» в данном случае преодолевала антагонистический характер, постепенно приходило некое узнавание «своего» в «чужом». Так, Г.Я. Аронсон в 1947 г. писал о том, что благодаря прибывшим в США советским невозвращенцам русская диаспора увидела, что «Россия — всё та же, и человек в ней духовно не погиб, культурно не одичал, что ни компартии, ни комсомолу, ни всем разноимённым чекам, ни бездушной

идеологии и бесчеловечной практике не удалось вытравить из человека ни жажды свободы, ни любви к родине, ни навыков общественности... Это касание миров иных, новой русской действительности, уже само по себе вызывает прилив веры в страну, в её эволюцию, в те сдвиги, которые там происходят» [2, с. 171].

Образ Советского Союза формировался под влиянием определённых событий внешней и внутренней политики СССР, вызвавших сильные эмоции у широких слоёв русской эмиграции. В статьях, посвящённых внутреннему положению Советского государства в 1945 — начале 1950-х гг., публицисты поднимали проблемы, связанные с тяжёлой экономической ситуацией в СССР. Болезненным для русских эмигрантов оставался вопрос об отношении руководства СССР к Православной церкви. При этом в качестве хранителя православных традиций на страницах прессы выступал русский народ.

Бурный эмоциональный отклик у эмигрантов вызывали темы восприятия различными слоями советского общества коммунистической власти и перспективы эволюционных или революционных перемен в СССР. Публицисты русского зарубежья высказывали разные точки зрения. По мнению одного из них, население СССР не интересовалось личностью вождя и не воспринимало советскую пропаганду. «В отношении среднего советского человека к правительству, то есть к Сталину, нет ни восторженного поклонения, ни открытой вражды. До Сталина далеко, личностью его, по-видимому, мало интересуются и говорят о нём редко. Он — скорее абстрактное понятие, чем человек, управляющий повседневной жизнью советских людей... Не политика, а материальные условия существования — самая частая тема разговоров», — писал журналист [22].

«Русская жизнь» и «Новое русское слово» во второй половине 1940-х гг. сообщали о росте социально-политической напряжённости в СССР, увеличении числа недовольных режимом и даже существовании скрытой оппозиции. Подобные убеждения были свойственны в данный период и авторам газеты «Россия», которые надеялись на то, что, если западным силам удастся развязать антибольшевистское восстание в Китае, оно будет поддержано оппозицией в Советском Союзе.

По мнению Г. Аронсона, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. в сложных социально-экономических условиях население было недовольно политикой советского руководства, но при этом

большинство не испытывало негативных эмоций к коммунистической идеологии. Как считали публицисты «Социалистического вестника», в этот период в СССР не было шансов для возникновения серьёзной антисоветской организации и начала революции. Аронсон усматривал в будущем возможность восстания, но не указывал конкретные сроки [2, с. 172].

В 1950-х гг. негативный образ Советского Союза окончательно сформировался и активно транслировался не только западными СМИ, но и русскоязычной периодикой в Америке. Переломный момент наступил после смерти Сталина в марте 1953 г., с приходом к власти нового «коллективного руководства». В антисоветской эмигрантской прессе вслед за западными СМИ пробудились надежды на перемены в СССР и укрепление сил демократии в мире. Но при этом в восприятии Советского Союза по-прежнему преобладали отрицательные стереотипы. Во второй половине 1953 г. антисоветские издания разочарованно писали, что радикальных изменений в СССР так и не произошло. «Русская жизнь» называла коллективное руководство Советского Союза «наследниками Сталина», подчёркивая тем самым преемственность политического курса в стране [5].

В целом анализ русскоязычной эмигрантской прессы в США, выходящей в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны, показал, что транслировавшийся образ Советского Союза был подвижным, противоречивым и многослойным, отражая как неоднородный состав самой эмигрантской среды (индивидуальный эмпирический опыт, политические взгляды, мировоззренческие установки, время начала эмиграции), так и влияние климата международных взаимоотношений и внутренних перемен в СССР и США. Во взглядах российских эмигрантов на Советский Союз сосуществовали негативные, позитивные, смешанные стереотипы и бинарные оппозиции, но в динамике их соотношения ярко проявился переход от положительного полюса периода Второй мировой войны к отрицательному в годы холодной войны.

Значительная позитивная трансформация восприятия СССР произошла, когда страна вела тяжёлую борьбу с фашизмом: среди эмигрантов преобладали чувства сопричастности, поддержки, эмоциональной близости к своей родине. Однако на следующем историческом этапе, когда опасность вражеского покорения России миновала, но резко выросла напряжённость в диалоге СССР и США, в большинстве эмигрантских изданий

(антикоммунистических и монархических) Советский Союз предстал в крайне негативном облике. Он изображался как криминальное, тоталитарное государство, агрессор, инициатор всех военных противоборств, сторонник международного хаоса, стремящийся к мировой коммунистической экспансии. Внедрялся излюбленный лозунг американской пропаганды о том, что с СССР можно вести международный диалог только с позиции силы. Смыслообразующие компоненты образа Советского Союза выстраивались как бинарные оппозиции: героический русский народ — жестокая советская власть, тоталитарный СССР — свободолюбивые США / страны Западного блока. Формировалось убеждение, что советский политический режим должен быть и будет разрушен и что для этого существуют внутренние силы.

Однако одновременно существовал пласт позитивного восприятия Советской России, который формировали ностальгия эмигрантов по родине, забота о сохранении её целостности, воспоминания об оставшихся там близких, размышления о русской культуре. Важной положительной составляющей образа были идеи о русском народе — хранителе духовных ценностей страны, символе её будущего. Через особое отношение к русскому народу в среде эмиграции постепенно происходило некое узнавание «своего» в «чужом». Публицисты таких изданий, как «Социалистический вестник» и «Новый журнал», воспринимали СССР как преемника дореволюционной России, и категория «русский народ» в этом процессе выступала связующим звеном. На крайнем левом полюсе оставалась коммунистическая газета «Русский голос», которая транслировала альтернативные и западной, и антисоветской эмигрантской прессе представления об СССР, создавая образ могущественного государства, которому противопоставлялся агрессор США.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны»: середина 1940-х — конец 1960-х гг. М.: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2008. 659 с.
2. Аронсон Г. Россия после войны // Социалистический вестник. 1947. 23 сент. С. 170—172.
3. Б.С. Изнанка советской политики // Русская жизнь. 1946. 8 авг. С. 1.
4. Борисов Г. Наш Долг // Россия. 1953. 11 нояб. С. 2.
5. Борьба за власть в СССР // Русская жизнь. 1953. 19 июня. С. 2.
6. Вишняк М.В. Соблазн патриотизма // Новый журнал. 1946. Вып. 13. С. 186.

7. Горденев М. Настоящее и будущее // Русская жизнь. 1946. 30 авг. С. 2.
8. Дать отпор реакции // Русский голос. 1946. 5 марта. С. 2.
9. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825—1853. М.: Наука, 1982. 322 с.
10. Карпович М.М. После победы // Новый журнал. 1945. Вып. 10. С. 361—373.
11. Кравченко В. Я избрал свободу // Русская жизнь. 1946. 14 авг. С. 2.
12. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2-х т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.
13. Милославская С.К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. 400 с.
14. Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870—1970: этноисторический очерк. М.: Наука, 2005. 417 с.
15. Остановите разбой Сталина! // Россия. 1946. 28 авг. С. 2.
16. Поршнева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. XII Всерос. науч. конф., посвящённая 90-летию Заслуженного деятеля науки России, д-ра истор. наук, проф. А.В. Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4—5 декабря 2014 г. В 2-х т. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 126—129.
17. Родигина Н.Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
18. Рыбаков Н. Коммунистическая гадюка неизменна // Россия. 1945. 15 февр. С. 2.
19. Рыбаков Н. Плановое истребление русского народа // Россия. 1945. 6 февр. С. 2.
20. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах Российской истории XX в.) // Вестник РУДН. 2006. Серия «История России». № 2 (6). С. 54—72.
21. Семочкина Е.И. Газета «Новое русское слово» — организатор патриотических акций русской диаспоры в США в начале Великой Отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. 2012. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып. 18. № 10 (269). С. 59—61.
22. Советский «человек с улицы» // Новое русское слово. 1951. 23 дек. С. 7.
23. СССР идёт слишком далеко... // Новое русское слово. 1946. 23 сент. С. 1.
24. Тимашев Н.С. Мысли о России // Новый журнал. 1945. Вып. 10. С. 174—188.
25. Урядова А.В. Возможности использования имагологии для изучения образа Советской России (СССР) в среде русской эмиграции // Вестник ЯрГУ. 2015. Серия «Гуманитарные науки». № 4 (34). С. 32—36.
26. Урядова А.В. Советская Россия 1920-х: восприятие эмиграции. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 392 с.
27. Федотов Г.П. Россия и свобода // Новый журнал. 1945. Вып. 10. С. 179—213.
28. Чеканцева З.А. Эпистемология исторического образа на рубеже XX—XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 2 (18). URL: <http://history.jes.su/s207987840000488-5-1> (дата обращения: 26.02.2018).
29. Ширин С.С. Парадигмы исследования образа России на Украине // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2008. Серия 6. Вып. 1. С. 78—86.
30. Яхонтов В. Русская печать в Америке // Русский голос. 1987. 22—29 янв. С. 9.

REFERENCES

1. Antoshin A.V. *Rossijskie ehmigranty v usloviyah "holodnoj vojny": seredina 1940-h — konec 1960-h gg.* [Russian Emigrants in the Conditions of the "Cold War": The Middle 1940^s — the Late 1960^s]. Moscow, Ural'skij Gos. Univ. Publ., 2008, 659 p. (In Russ.)
2. Aronson G. Rossiya posle vojny [Russia after War]. *Socialisticheskij vestnik*, 1947, September 23, pp. 170—172. (In Russ.)
3. B.S. Iznanka sovetskoj politiki [Wrong Side of Soviet Policy]. *Russkaya zhizn'*, 1946, August 8, p. 1. (In Russ.)
4. Borisov G. Nash Dolg [Our duty]. *Rossiya*, 1953, November 11, p. 2. (In Russ.)
5. Bor'ba za vlast' v SSSR [Struggle for Power in the USSR]. *Russkaya zhizn'*, 1953, June 19, p. 2. (In Russ.)
6. Vishnyak M.V. Soblazn patriotizma [Temptation of Patriotism]. *Novyj zhurnal*, 1946, iss. 13, p. 186. (In Russ.)
7. Gordenev M. Nastoyashchee i budushchee [Present and Future]. *Russkaya zhizn'*, 1946, August 30, p. 2. (In Russ.)
8. Dat' otpor reakcii [To Reject the Reaction]. *Russkij golos*, 1946, March 5, p. 2. (In Russ.)
9. Erofeev N.A. *Tumannyy Al'bion. Angliya i anglichane glazami russkih, 1825—1853* [The Foggy Albion. England and English People through the Eyes of Russians, 1825—1853]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 322 p. (In Russ.)
10. Karpovich M.M. Posle pobedy [After Victory]. *Novyj zhurnal*, 1945, iss. 10, pp. 361—373. (In Russ.)
11. Kravchenko V. Ya izbral svobodu [I Chose Freedom]. *Russkaya zhizn'*, 1946, August 14, p. 2. (In Russ.)
12. Leont'ev A.N. *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya* [Selected Psychological Works]. Moscow, Pedagogika Publ., 1983, vol. 2, 320 p. (In Russ.)
13. Miloslavskaya S.K. *Russkij yazyk kak inostrannyj v istorii stanovleniya evropejskogo obraza Rossii* [Russian as a Foreign Language in the History of Foundation of European Image of Russia]. Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2012, 400 p. (In Russ.)
14. Nitoburg Eh.L. *Russkie v SSHA: istoriya i sud'by, 1870—1970: ehnoistoricheskij ocherk* [Russians in the United States: History and Destiny, 1870—1970: Ethno-historical Essay]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 417 p. (In Russ.)
15. Ostanovite razboj Stalina! [Stop Stalin's Robbery!]. *Rossiya*, 1946, August 28, p. 2. (In Russ.)
16. Porshneva O.S. Istoricheskaya imagologiya v sovremennoj rossijskoj istoriografii [Historical Imagology in Modern Russian History]. *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya: Industrial'naya modernizaciya Urala v XVIII—XXI vv. XII Vserossijskaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 90-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, doktora istoricheskikh nauk, professora A.V. Bakunina. Materialy. Ekaterinburg, 4—5 dekabrya 2014 g.* [The Industrial Urals. Bakunin's Readings: Industrial Modernization of the Urals in the 18th Century — 21st Century. Russian National Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Honored Russian Scientist, Doctor, Professor A.V. Bakunin. Proceedings. Ekaterinburg, 4—5 December 2014: Two volumes]. Ekaterinburg, UrFU Publ., 2014, vol. 1, pp. 126—129. (In Russ.)

17. Rodigina N.N. *Drugaya Rossiya: obraz Sibiri v russkoj zhurnal'noj presse vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka* [Another Russia: The Image of Siberia in the Russian Magazine Media in the Second Half of the 19th Century — at the Beginning of the 20th Century]. Novosibirsk, Novosibirskij Gos. Pedagog. Univ. Publ., 2006, 343 p. (In Russ.)
18. Rybakov N. *Kommunisticheskaya gadyuka neizmenna* [Communist Viper is Unchanged]. *Rossiya*, 1945, February 15, p. 2. (In Russ.)
19. Rybakov N. *Planovoe istreblenie russkogo naroda* [Planned Extermination of Russian People]. *Rossiya*, 1945, February 6, p. 2. (In Russ.)
20. Senyavskij A.S., Senyavskaya E.S. *Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya "obraza vruga"* (na materialah Rossijskoj istorii XX v.) [Historical Imagology and the Problem of Forming the "Enemy Image" (on the Materials of the Russian History of the 20th Century)]. *Vestnik Rossijskogo Univ. druzhby narodov*, 2006, series "Istoriya Rossii", no. 2 (6), pp. 54–72. (In Russ.)
21. Sjomochkina E.I. *Gazeta "Novoe russkoe slovo" organizator patrioticheskikh akcij russkoj diaspory v SSHA v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Newspaper "The New Russian Word" — the Organizer of Patriotic Actions of the Russian Expatriate Community in the United States at the Beginning of the Great Patriotic War]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gos. Univ.* 2012, series "Social'no-gumanitarnye nauki", iss. 18, no. 10 (269), pp. 59–61. (In Russ.)
22. Sovetskij "chelovek s ulicy" [Soviet "Man of the Street"]. *Novoe russkoe slovo*, 1951, December 23, p. 7. (In Russ.)
23. SSSR idjot slishkom daleko... [USSR is Going too Far...]. *Novoe russkoe slovo*, 1946, September 23, p. 1. (In Russ.)
24. Timashev N.S. *Mysli o Rossii* [Thoughts about Russia]. *Novyj zhurnal*, 1945, iss. 10, pp. 174–188. (In Russ.)
25. Uryadova A.V. *Vozmozhnosti ispol'zovaniya imagologii dlya izucheniya obraza Sovetskoj Rossii (SSSR) v srede russkoj ehмиграции* [Possibilities of Using Imagology for Studying the Image of Soviet Russia (USSR) among the Russian Emigration]. *Vestnik Yaroslavskogo Gos. Univ.*, 2015, Gumanitarnye nauki, no. 4 (34), pp. 32–36. (In Russ.)
26. Uryadova A.V. *Sovetskaya Rossiya 1920-h: vospriyatie ehмиграции* [Soviet Russia in the 1920s: Perception of Emigration]. Yaroslavl, Yaroslavskij Gos. Univ. Publ., 2011, 392 p. (In Russ.)
27. Fedotov G.P. *Rossiya i svoboda* [Russia and Freedom]. *Novyj zhurnal*, 1945, iss. 10, pp. 179–213. (In Russ.)
28. Chekanceva Z.A. *Jepistemologija istoricheskogo obraza na rubezhe XX—XXI vv.* [Epistemology of the Historical Image at the End of the 20th Century — at the Beginning of the 21st Century]. *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istorija"*, 2013, vol. 4, iss. 2 (18). Available at: <http://history.jes.su/s207987840000488-5-1> (accessed 26.02.2018). (In Russ.)
29. Shirin S.S. *Paradigmy issledovaniya obraza Rossii na Ukraine* [Research Paradigms of the Image of Russia in the Ukraine]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Univ.*, 2008, series 6, iss. 1, pp. 78–86. (In Russ.)
30. Jahontov V. *Russkaja pechat' v Amerike* [Russian Press in America]. *Russkij golos*, 1987, January 22–29, p. 9. (In Russ.)